

Калдовские *Миры*

С ФЕЯМИ ШУТКИ ПЛОХИ

ЧУДОВИЩА ИЗ НОРВУДА

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ ВЕЧНОСТИ

КИРА ИЗМАЙЛОВА

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ
ВЕЧНОСТИ

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ИЗ7

Разработка серии Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете Станислава Дудина

Измайлова, Кира Алиевна.

ИЗ7 Одиннадцать дней вечности / Кира Измайлова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Колдов-
ские миры Киры Измайловой).

ISBN 978-5-699-96778-0

Однажды в доме младшего из одиннадцати сыновей коро-
ля появилась немая девушка с глазами цвета моря и золотыми
волосами. Так начинается эта новая сказка. И никто пока не
знает, что случится дальше.

Вдруг диких лебедей расколдуют, но... как-то неправильно?
А может, морская ведьма окажется доброй и мудрой, а фея,
которая посоветовала плести рубашки из кладбищенской кра-
пивы, — совсем наоборот? И кому удастся разорвать ее злые
чары? Да и удастся ли?

Одно верно, как сказку ни рассказывай, а только любовь,
преданность и отчаянная решимость позволят противостоять
пришедшей в мир нечисти. Только готовый сегодня отдать
свою жизнь за других получит в награду вечность.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96778-0

© Измайлова К.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

В лицо хлестал колкий снег, не было видно ни зги. Ветер продувал насквозь, теплая шаль давно потерялась в пурге, подол изорвался о ветки кустарника, в который я забрела, плутая почти что вслепую. Один башмак потерялся в сугробе, у второго оторвалась подошва, пришлось бросить и его. Чулки порвались, и ступни горели огнем, словно я ступала по раскаленным углям — странно, снег ведь такой холодный! А пальцев я уже не чувствовала вовсе. И к лучшему. Раз, упав и пытаясь подняться, я увидела свой кровавый след, быстро пропавший в поземке...

Я провалилась в овраг и чудом выбралась оттуда, не переломав ног, но теперь я была в снегу с ног до головы, и одежда уже не спасала от пронизывающего ветра. Но я шла вперед, спотыкаясь, падая и поднимаясь, потому что знала — если я не встану, то замерзну уже наверняка.

Кажется, мне удалось выйти или на дорогу, или на поле: снега по-прежнему было много, но под окоченевшими ногами ощущалась относительно ровная земля, а не бесконечные кочки и канавы, коварно выступающие узловатые корни и спрятавшиеся в сугробах кусты. Быть может, поблизости есть какое-нибудь жилье? Да пусть бы и стог сена — хоть немного обогреться, не чувствовать обжигающего ледяного ветра!

Впереди вдруг появилось что-то темное, и я, пытаюсь разлепить обледеневшие ресницы — слезы замер-

зали на щеках, — в страхе подумала, что выюга вновь закружила меня, и я опять свернула в лес и наткнулась на дерево...

Но чу!.. Сквозь посвист ветра я различила скрип снега, звяканье — и из снежной круговерти вдруг показалась лошадиная морда. Конь шумно всхрапнул, отпрянул и заржал, вскинувшись на задних ногах, а я, отшатнувшись, упала наземь.

Люди! Неужели это взаправду?

Если бы я могла, то позвала бы на помощь, но голоса не было. Сейчас они проедут мимо, не заметив меня, и тогда мне уж точно придет конец...

— Тише, тише! — услышала я. — Что с тобой?

— С вами все в порядке, господин? — окликнул кто-то еще, и я увидела еще несколько смутных теней — это были всадники.

— В полном, — отозвался тот, — только Шварц что-то заартачился.

— Позвольте, я поеду вперед, господин. Может, ему не по нраву пурга?

Второй конь едва не наступил на меня, но вовремя остановился, всхрапнув.

— Ого!..

— Что там, Ганс? — нетерпеливо спросил первый всадник.

— Человек, господин! — Второй тяжело спрыгнул наземь.

Мужчина наклонился надо мной, смахнул перчаткой снег с моего лица...

— Это женщина! — крикнул он через плечо. — Со всем молодая и... да, еще живая, господин! Во всяком случае, дышит и вроде бы в сознании!

— Вижу... И что же ты медлишь? — раздалось сверху. — Бери ее в седло!

— Как прикажете, господин.

— Да закутай хорошенько, возьми хоть мой плащ...

— Уж обойдусь своим... — буркнул тот. — Эй, Марк, ну-ка, снимай обмотки — девка босая, поморозится совсем! Давай, поживее, а то и я окоченею, ишь, ветер какой, будто ведьмы бесятся!

— Оставь, Ганс! — окликнул первый. — Давай ее сюда. Помоги, мне не справиться...

— Сударь, но...

— Делай, что я говорю! И давайте-ка, прибавьте ходу!

— А те трое?

— Небось не отстанут, — непонятно ответил мужчина. — Погоняйте!

Что делали со мной, я уже не чувствовала. Помню только, как меня подняли на руки и взгромоздили на лошадиную спину, а потом меня окутала тяжелая шелестящая ткань, еще хранившая тепло владельца. Ну а стоило мне немного отогреться, как я канула в беспамятство и не запомнила ни бешеной скачки («Погоняй, Ганс, погоняй!» — слышала я время от времени сквозь посвист ветра), ни того, что было потом.

* * *

Если я и приходила в себя, то ненадолго, и тогда в горло мне лились горькие настойки, бульон и терпкие травяные отвары. Все тело болело, будто меня избивали палками, я горела и задыхалась, словно стояла у столба и под ногами у меня пылал костер...

— Не выживет, — слышала я иногда сквозь пелену беспамятства. — Куда там!

— Как знать, с виду-то хлипкая, а такие, бывает, крепче иных дородных...

Это были женские голоса, видно, говорили те служанки, что поворачивали меня, беспомощную, с боку на бок, обмывали меня и меняли белье.

— Ну что? — услышала я однажды мужской голос, тот самый, что принадлежал всаднику... как звали его коня? Шварц? Да, Шварц... А наездника называли господином, это я помнила. — Как она?

— Будем надеяться, пойдет на поправку, сударь, — ответил кто-то. Этот голос принадлежал человеку немолодому, должно быть, лекарью. — Видно, этой девушке пришлось немало пережить, но она отчаянно цепляется за жизнь, и мой долг — помочь ей удержаться на этом свете.

— Уж постарайтесь, мастер, — негромко произнес первый мужчина. — Я, признаюсь, хочу узнать, кто она такова и что делала в такую пургу вдали от дома.

— Будем надеяться, сударь, она сумеет поведать об этом, когда очнется, — сказал лекарь. — Но я могу сказать вам наверняка: она не простолюдинка. Она была разута, а ноги ее — изранены в кровь, но сразу видно — прежде этой девушке не приходилось ходить босиком иначе как по мягким коврам. А это? — Я почувствовала, как он взял меня за руку и повернул ее ладонью вверх. — Ногти обломаны, кожа исцарапана, но взгляните сами — эти руки никогда не знали работы!

— В самом деле. — Тот, другой осторожно провел пальцем по моей ладони. — У ребенка и то не такая нежная кожа...

— Одежда на ней была добротная, хоть и изорванная в клочья. И еще — ее волосы, сударь, — завершил лекарь. — Признаюсь, я велел служанкам остричь их, чтобы не развести заразы, но они воспротивились.

— И правильно сделали, — серьезно ответили ему. — С ума сойти, какая красота, а вы — сразу резать!

— А если бы вши? — занудно спросил тот.

— Если бы! Если бы — тогда бы и думали, что делать... Да, у простолюдинки не может быть таких во-

лос. Вы взгляните, мастер, не у всякой придворной дамы увидишь такое богатство!

— Да уж вижу, сударь, — ворчливо ответил тот. — Служанки ваши постарались, несколько гребней изломали, пока расчесали ее гриву! Спасибо, дали хоть укоротить: снизу у нее волосы обгорели. Немудрено, небось по недомыслию опалила у очага... Ну, идите! Она спит и будет спать еще долго, успеете насмотреться!

— Уж и посмотреть нельзя, — проговорил более молодой с каким-то странным выражением. — Мне только это и осталось.

— Не казните себя, сударь, — негромко произнес лекарь. — Это не ваша вина. Идите...

У очага? Нет, это был не очаг, — вспомнила я, уже когда стихли шаги. — Кто-то швырнул факел, и если бы не сугробы, я бы сгорела заживо, а не просто опалила волосы.

Тогда, наверно, я стала бы похожа на комету, предвестницу несчастий: длинный огненный хвост стелился бы за мной — горящие волосы и платье... Спасибо, я догадалась броситься в снег, а добрая женщина помогла сбить пламя — запах оказался невыносимо мерзким, но я не могла сама обрезать обгоревшие пряди, нечем было...

Не помню даже, как покинула город. Кажется, та же женщина подняла меня на ноги, накинула мне на плечи свою потрепанную шаль и сказала, мол, иди скорей отсюда, иди, пока жива. Авось встретишь добрых людей, помогут, а нет, ну... храни тебя Создатель!

Так я и шла несколько дней, немного проехала на подводе какого-то крестьянина, потом прибилась к обозу — мне еще было чем заплатить и на что купить припасов, — ну а дальше, когда кончились деньги, пошла пешком. Я хотела добраться до побережья, но силы таяли, мороз крепчал, и ясно было, что я ни-

когда уже не увижу моря... Я сбилась с пути в начавшемся снегопаде, и если бы не эти случайные всадники, должно быть, не встретила бы рассвет.

А солнце светило ярко, я чувствовала это сквозь сомкнутые веки, и когда приоткрыла глаза, поспешила зажмуриться — я совсем отвыкла от солнечного света и смотреть на него было больно.

Не сразу я решилась разомкнуть ресницы и взглянуть по сторонам.

Это была большая спальня, королевской впору — на такой кровати немудрено потеряться, я и терялась, как на огромном заснеженном поле. Балдахина не было, и я могла видеть расписной сводчатый потолок: в синем небе, в самом зените стояло ослепительное золотое солнце, а по восходящей спирали к нему поднимались белоснежные лебеди... Их было одиннадцать, я пересчитала.

В высокие окна лился солнечный свет, и, кажется, зима уже пошла на убыль — так звонко щебетали незнакомые птицы. Зимой они молчат, а раз так распелись — весна уже на пороге! Сколько же я пролежала без памяти?

Я с трудом подняла руку, и мне показалось, будто пальцы у меня сделались прозрачными, как лед по весне, — солнце едва ли не просвечивало сквозь них. Длинные волосы — чьи-то заботливые руки заплели их в косу, чтобы не путались, — не сияли, как прежде, а были цвета старой соломы. Какова я теперь на лицо, не хотелось даже представлять...

— Да вы очнулись, сударыня! — воскликнул кто-то, и, повернув голову, я увидела крепкую немолодую служанку в белоснежном накрахмаленном переднике. Она, с неожиданной для такого сложения резвостью, кинулась ко мне и деловито спросила, поправив мне подушки: — Может, изволите чего? Напиться? Сейчас...

Она поднесла к моим губам кружку с водой, и я пила, пока кружка не опустела, а после поблагодарила женщину улыбкой.

— Скажите хоть, как зовут вас, сударыня, — попросила служанка.

Я только вздохнула, приложила палец к губам и удрученно развела руками.

— Не можете говорить, что ли? — поняла она, покачала головой и добавила негромко: — То-то мастер Йохан удивлялся: ни застонете, ни ахнете... Ох, бедняжка... Ну так хоть понимаете ведь, что люди говорят? Ой, да что это я, понимаете, видно же! Простите, сударыня!

Я улыбнулась.

— Поесть не желаете? — деловито осведомилась служанка, дождалась кивка и добавила: — Ох, да только мастер Йохан в отъезде, я и не знаю, чего вам можно давать, а чего нельзя... Бульончику, может?

Я решительно помотала головой — есть хотелось очень ощутимо, а что толку с той водички?

— А может, все же выпьете чашечку? Говорят, крепкий бульон самое оно для больных!

Мне представилось жирное варево, запах мяса, и к горлу подкатил ком, я даже зажала рот руками...

— Похоже, не пойдет, — констатировала служанка. — Чем же вас кормить-то, сударыня? Кашку сварю, пойдет? Тоже нет? Эх, знать бы, откуда вы родом, да что у вас принято стряпать! А как догадаешься?

Я огляделась в поисках хоть какой-нибудь картины или гобелена, чтобы можно было указать, но, как нарочно, в этой спальне шелковые обои были увиты виноградными лозами, и только расписной потолок... Ну конечно!

— Ну не с неба же вы упали, сударыня, — вздохнула служанка, проследив взглядом за моей рукой. —

И не с солнца. Это только в сказках люди на солнце да на луне живут...

Я изо всех сил помотала головой, так что коса рас-трепалась (я снова поразились, до чего же тусклыми стали мои волосы), и указала чуть вбок и ниже, туда, откуда поднимались к солнцу белые лебеди, на голу-бой туманный берег, почти неразличимый снизу.

На лице служанки отразилась усиленная работа мысли. Я снова огляделась, взяла кружку с подноса и указала внутрь.

— Еще напиться дать? — отреагировала та. — Нет? А... Ох, голова моя дурная! Вы с побережья? С речно-го? Нет? С морского, значит... Ага! Ну, тогда я знаю, чем вас порадовать, сейчас на кухню сбегая, сегодня как раз камбалу готовили, обедение...

Уже в дверях она оглянулась и добавила:

— Это повезло вам, сударыня, мы ж на самом бе-регу, считай, живем! Самое оно для морской-то души! И рыба свежая что ни день, знай, выбирай...

«На самом берегу? — удивилась я. — Что же, я все-таки добралась до моря? Каким-то чудом, не иначе...»

Конечно, нужно было идти вдоль реки до самого ее устья, так мне не пришлось бы плутать, но и нашли бы меня мгновенно, если бы захотели. И это отняло бы слишком много времени, а я хотела взглянуть на море перед смертью, потому и рискнула пойти напрямик. Однако я все еще была жива, хотя времени, долж-но быть, прошло немало... Как странно!

Впрочем, тут служанка принесла уставленный та-релками поднос, и я позабыла обо всем, до того аппе-титно пахли эти яства... Правда, я предпочла бы съесть мидий сырыми, но и суп из моллюсков оказался выше всяческих похвал, а уж камбала в горшочке и икра на льду...

— Я уж всего понемножку положила, сударыня, — сказала служанка, увидев, должно быть, как у меня раз-

горелись глаза, — с ходу-то много нельзя, дурно станет, вы, почитай, два месяца толком не ели!

Наверно, на лице у меня было написано изумление (что там, я даже ложку выронила!), потому что она поспешила пояснить:

— Подобрали-то вас в конце января, в самую стужу, а теперь уж апрель на носу, сады вот-вот распустятся начнут!

Два месяца?! Но как такое может быть? Неужели... нет, нет, чудес не бывает, мне ли не знать!

— Меня Анной звать, — продолжала тем временем словоохотливая служанка, раздергивая шторы пошире. В самом деле: небо сияло голубизной, доносилось веселое птичье чириканье, а в приоткрытое окно лился весенний аромат — так пахнет не просохшая еще земля и едва пробивающиеся первоцветы... Хотя о чем это я? Подснежники уже, должно быть, сошли, настало время других цветов! — Имя мое вам, правда, без надобности, коли у вас голоса нет, ну так я вам колокольчик принесла, позвоните, когда понадобится. Он звонкий такой, издали слышать!

Анна забрала поднос, вздохнула и доверительно добавила:

— Мастер Йохан-то уже и не надеялся, что вы очнетесь. Сказал, после такой горячки если человек в себя и придет, будет бревно бревном, ничего не смыслить и не понимать. Ан поди ж ты! Экую вы ему дулю под нос... Верно Мари сказала: иные худые крепче родных!

Я невольно улыбнулась.

— И его высочество рад будет, — продолжала она, — очень уж ему хочется узнать, откуда вы взялись да что с вами приключилось! Все ждал, когда же вы в себя придете и сможете рассказать, да вот только... А хотя он уж придумает что-нибудь! Даже я с вами столкнулась худо-бедно, а ему ума не занимать...

Тут Анна хотела было всплеснуть полными руками, но вовремя вспомнила, что держит поднос.

— Вот голова моя садовая! Вы ж, поди, грамоте обучены? Сможете написать, кто вы, откуда да что стряслось?

Я молча покачала головой. Выучиться писать я не успела. Разбирала буквы, но читать почти не могла, с десятков слов, не больше. Даже имени своего записать не умела... Впрочем, его и выговорить бы смог не каждый.

— Как же так? — удивилась Анна и отставила поднос. — Благородная девица — а по всему видать, что благородная, и грамоте не обучена? Или у вас родители были из таких, что всякую науку дочерям запрещают, а те потом ни посчитать, где их управляющий обманул, ни письмо милому другу написать не могут?

Я снова отрицательно покачала головой.

— А может, вы иностранка? — придумала служанка и от волнения принялась поправлять чепец, но вместо того сбила его набок, сделавшись похожей на упитанную маргаритку с растрепанными лепестками. — А и точно, я слыхала: по-нашему чужеземцы и понимают, и говорят, а писать не сразу выучиваются! А что купцы сторговаться могут, так они с цифирью дружат, а цифры везде одинаковые... Так, сударыня?

Я кивнула. Мне очень нравилась Анна: она сама придумала для меня прекрасную историю, сама поверила в нее, а теперь, чего доброго, убедит всех остальных. Ну и славно...

— Ну вот, теперь хоть понятно кой-чего, — довольно сказала Анна и снова взяла поднос. — Видно, вы недавно в наших краях, не то б живо всему обучились! Даже я и то худо-бедно писать приспособилась — его высочество от нечего делать выучил, когда болел, а я с ним сидела. Я ж его совсем маленьким

помню... Кормилица я его, — пояснила она. — Так при нем и осталась, и слава Создателю, что надоумил его отца меня обратно в деревню не прогонять, не то не было б уж моей кровиночки...

Я ничего не поняла из этой тирады, а Анна, кажется, сообразила, что сболтнула лишнее, потому что поспешила добавить:

— Его высочество маленьким болел много, а уж капризен был — только меня и терпел. Ну а лежать целыми днями поди-ка скучно, вот он и выдумал меня грамоте учить... А человек он упрямый, решил — значит, сделает. Так что теперь если кому из слуг что написать или прочитывать надо — это меня зовут, не мастера же Йохана, это ему не по чину! Ну, — проговорила она, подумав, — буквы-то я вместе складывать умею, только не все слова понимаю. Как-то заглянула в господскую книжку — ох, и мудрёно же! Ну да мне того и не надо...

Анна осеклась, потом сказала виновато:

— Уж простите, сударыня, заболталась я. Целыми днями молчком да молчком: его высочество со свитой уехали, да, видно, надолго. От вас не отойдешь, разве что на кухне с товарками словечком перебросишься. А у меня язык на привязи не держится, сколько раз меня ее величество, покойница, за то бранила...

Она размашисто осенила себя знаком Создателя и тяжело вздохнула:

— Уж не сердитесь. Постараюсь помалкивать, а то будто вам охота мою болтовню слушать...

Я всем своим видом и жестами постаралась выразить, что мне вовсе не мешает ее монолог. Наоборот, пускай Анна говорит побольше: так, быть может, я узнаю, где очутилась и что происходит за этими стенами! Я бы расспросила, но как?